

А. К. ЗАКРЖЕВСКИЙ

Религия. Психологические параллели

<фрагмент>

VII

В 1905 году на смену прекратившемуся «Новому пути» возникли «Вопросы жизни»... На смену индивидуалистическому мистицизму Мережковского, Розанова, Гиппиус, Минского — пришло новое течение в религиозно-философских исканиях, идущее как бы навстречу новым запросам жизни, навстречу возрождающейся общественности... Сохранив индивидуалистический принцип «Нового пути» — новый журнал, однако, нашел нужным — расширить рамки своей программы, включив в нее политические и экономические элементы, стремясь соединить, примирить новое религиозное сознание с общественностью. Хотя получился вследствие этого какой-то весьма хаотический конгломерат, хотя это желанное соединение и не было достигнуто, — но «Вопросы жизни» являлись действительно живым откликом на современность и тем и отличались от предыдущего журнала, что философской мысли стремились придать практическое значение...

Не входя в подробное рассмотрение неудачной попытки соединить в этом журнале христианство с общественностью, т. е. примирить две друг другу чуждые стихии, — нельзя не признать, что к стыду нашему, мы до сих пор не имеем такого *свободного* в истинном смысле этого слова органа, каким являлся журнал «Вопросы жизни»... но все они омертвели в рамках своих программ, в них нет творчества, нет живой жизни, нет простора и доступа всему, что вне программ и вне догмата, что оригинально, вот почему интерес к журналам падает и место их понемногу занимают альманахи и сборники.

«Вопросы жизни» были последним очагом свободного творчества в России, здесь сошлись крайние противоположности, люди совсем чуждые друг другу соединились во имя свободы совести и творчества, полярно противоположные друг другу мировоззрения встретились а одном пути: рядом с сухим и догматичным Волжским — анархист и декадент Чулков, наряду с рассказами Сергеева-Ценского¹ — «Мелкий бес» Сологуба; полные благонамереннейшего христианского смирения статьи В. Эрн наряду с пессимистическим адогматизмом Л. Шестова, утонченная прозрачность эллинских настроений Вяч. Иванова и рядом — бурный, выходящий из берегов всяких традиций «Пруд» — Алексея Ремизова — кровавый пожар литургийного страдания, трепещущее в огненных словах надорвавшееся сердце, безумный вызов жизни, бездумный, дикий вопль (замечательно, что тогда никто не мог дочитать до конца «Пруда» и Ремизова называли бездарностью, — теперь же, когда он тяжелой ценой своего страдальческого творчества достиг известности — подлинные бездарности, из тех самых, которые раньше не признавали его, — посвящают ему отдельные статьи и кричат: «Настоящий писатель»!)...

Один из редакторов журнала — С. Н. Булгаков, являлся типичным и наиболее интересным представителем так называемой «христианской общественности». Бывший марксист, общественный деятель, профессор политической экономии, автор солидных трудов («Капитализм и земледелие» и др.) — вдруг вследствие внутреннего переворота в своем мировоззрении, приходит к идеализму (см. его книгу «От марксизма к идеализму»), а затем — к подлинному христианскому мировоззрению... Но, как и каждый марксист, несмотря на свою изменившуюся физиономию, он остается верен заветам своего учителя, соединяя предпосылки социализма с заповедями Христа, общественные стремления с философией Вл. Соловьева, которого также признает своим учителем... По-видимому, по своему мировоззрению Булгаков напоминал западных христианских социалистов, но на самом деле социализм был ему вовсе чужд, являясь только средством, а не целью, самое же его христианство носило и носит в сущность, несмотря на стремления к практицизму — чисто философский характер.

Сразу же бросается в глаза вся сложность той задачи, которую взял на себя Булгаков в общественном отделе «Вопросов жизни»: соединить евангельское учение, детское, беспомощное перед миром, безумно-мудрое, юродливое — с интересами русской общественности, с политикой, с программой, соединить

положения соловьевской философской системы с практической деятельностью, соединить небесное с земным, вечное с преходящим — разве не кажется это не только невыполнимым, но даже недопустимым как предположение?.. А между тем, в этом заключалась для Булгакова вся цель его стремлений, в этом он видел исход для своего обновленного и преображенного религиозного мировоззрения...

И сначала в «Вопросах жизни», потом в киевской газете «Народ» он держится этого направления, преследует эту задачу, стремится внести в политику христианские идеалы, в общественность — христианский дух, в освободительное движение — религиозное воодушевление, христианскую этику, солидарность, истинную культуру... То же самое он нередко проповедывает с кафедры, стремится также к созданию общества, которое бы занялось приложением к жизни его программы («Союз христианской политики»)..

Когда внимательно прислушаешься к его речам — впечатление получается довольно смутное и неопределенное: с одной стороны, кажется, будто говорит честный марксист, истинный и благородный «товарищ», ни в чем не сомневающийся, для которого один закон: «Да не будут тебе бози инии, кроме Маркса», с другой стороны, поражает примесь христианских заповедей, которые так же не гармонируют с этим, как Христос не гармонирует с Марксом, но одно уничтожает другое, и не знаешь, кому верить — Булгакову-марксисту, или Булгакову-христианину?..

Для Булгакова первые христиане являются чуть ли не социалистами, для него христианство вне общественности мертво, для него политическая экономия переплетается с Евангелием и Маркс для него — религиозный тип... Очевидно, что все эти мнения — лишь налет (и налет только мешающий и неприятный) этого марксизма, от которого Булгаков еще тогда не мог окончательно отделаться, очевидно, что прежнее мирозерцание, которое он не мог преодолеть — врывалось в его душу, мешало всецело отдаться другим мирам, создавало цепь препятствий, нарушало покой, отравляло сознание... Ибо ясно, что христианство и общественность — две полярности, одна другую взаимно уничтожающие, что христианство не принимает мира и мир освящает чаянием мира грядущего, в то время как социализм не освящает, а жадно пожирает мир, и сытость миром ставит как высшую цель; ибо ясно, что не на работу общественную, не на борьбу с государственностью, не во имя благ земных и свобод и привилегий — стремились первые христиане, а — в катакомбы,

по ту сторону мира, к желанной встрече с Христом! С радостью принимали муки, шли на костры и виселицы не потому, что хотели этим купить для человечества ту или другую свободу, добиться тех или иных прав, провести в жизнь закон или добиться повышения платы за труд, а только потому, что так близок еще был Христос, близка было Его мучительная смерть, его многострадальная жизнь, только потому, что эта близость опьяняла каким-то болезненным экстазом душу, потому что они так же верили, как мы верим в правила арифметики, что Христос воскрес, что Христос жив — и сами хотели соединиться со Христом *во имя жизни будущей, а не настоящей, во имя царства небесного, а не земного.*

Социализм есть прикрепление человека к земле, стремление завладеть землей, всеми ее богатствами, сокровищами и привилегиями во имя сытости, во имя благополучия и скотского самодовольства. Христианство есть путь сквозь земное к небу, презрение к земле во имя неба, христианство есть вознесение духа, социализм — падение и уничтожение его... Христос не делал ни одного намека на земное благоустройство, напротив, он советовал не заботиться, что есть и во что одеться, быть как полевые лилии... Людям, которые подобно социалистам хотели продолжения сытой человеческой жизни за гробом и понимали бессмертие, как продолжение жизни земной, — Христос сказал, что те не будут жить так, как здесь на земле живут люди, а будут жить, как ангелы на небесах... И хотя Он стремился к любви и справедливости на земле, но Он же в пустыне с негодованием отверг искушения Дявола о царстве земном, он конечную цель видел не в принятии и благоустройстве мира, а в страдании и в мученичестве как залоге царства небесного, в неприятии мира, в разрушении мира во имя жизни неземной, духовной и вечной...

Для социализма все люди равны, его идеал — обезличение, для социализма все люди одинаково бесцветны, одинаково являются простыми единицами в муравейнике коллективизма, а христианство есть прежде всего религия абсолютной свободы, *абсолютного освобождения*, и христиане суть враги мира, враги его государства, его земных забот, его страстей, его программ и партий, и ненавидят они мир, так же, как мир ненавидит их...

Социализм есть культ земли, христианство — вечности. Социализм имеет крайней целью землю, христианство отправляется от земли через разрушение и неприятие ее — завладению небом...

Эти различия, ясные для всех — наглядно подтверждают, что безумно и невозможно соединять христианство с общественностью, а тем более — с какой бы то ни было политикой!.. Соединение христианства с государственной властью положило начало не прогрессу его, а регрессу, это соединение было первым позорным шагом исторического христианства — если бы ныне пришел Христос, то борьба Его была бы направлена именно против того, что теперь называют христианством...

Вводить религию в политику — значит уничтожить самую возможность политики, ибо политика всецело зависит от трезвости разума, от преданности земному и только земному, христианство же все построено на безумии, а безумие и политика уж во всяком случае вещи несовместимые...

Оправдывать действия социализма именем Христа — значит клеветать на Христа, значит позорить Христа, ибо Христос был не только страдалец за людей, но и величайший индивидуалист.

Как бы ни доказывали, что Христос пришел устроить мир и насытить людей и дать им «политическую свободу» — это всегда будет ложно и всегда не умно. *Христос есть не только неприятие мира, но и разрушение всех его законов и основ, и не мир принес Он на землю, но меч и разделение, и не прикрепить человека к земле пришел Он, но — оторвать и вознести его от земли: «Он сказал ми: вы от нижних, Я от вышних, вы от мира сего, я не от сего мир» (Ин. 8, 23).*

Булгаков и «Вопросы жизни» выставили своим девизам христианскую общественность, но я думаю, не по внутреннему убеждению, а вследствие желанья отдать известную дань охватившему все Россию общественному движению... Невозможно было без натяжек, без компромиссов, без известного риска примирить христианство с революцией и социализмом, оттого и получилось как следствие этого — что-то весьма неубедительное, ненужное и шаткое... Чулков писал рассказы с «направлением», с программами и революционными песнями à la² Тан или Скиталец³, Андрей Белый воспевал шествие с флагами, Булгаков примешивал к чисто социалистическим тенденциям своих статей христианские слова, потому что такова была мода и иначе нельзя было... Но искренности во всем этом не чувствовалось, ибо если бы была она, если бы было во всем этом настоящее горение, то эта «христианская политика» вошла бы в жизнь и делала бы свое дело, но журнал прекратился, продержавшись год, проект «союза христианской политики» кажется остался проектом, а всевозможным «эсдекам» и «эсерам» хрис-

тианская политика была так же не нужна, как телеге пятое колесо: жизнь взяла свое...

Примирить социалистическую программу с христианскими идеалами — это значит разрушить весь социализм, ибо, как мы уже сказали — христианство не может человека прикрепить к земле, оно ведет его в жизнь будущую, а настоящая жизнь может быть какая угодно — республиканская, или монархическая, не в этом дело, а в муке за Христа, в страданиях жизни, которую нужно принять во имя спасения, в презрении ко всякой власти, будь она самая совершенная, ибо жизнь и формы ее — только внешность, только цепи, только прах и суета, а цель — освобождение от них!..

Для Булгакова же христианство является в другом освещении, он понимает его как средства для проведения в жизнь социалистических идеалов, он ценит в нем только то, что оправдывает жизнь, что служит к ее укреплению и утверждению, т. е. разделяет взгляд прочих «товарищей» на христианство, которые видят во Христе такого же, как они «товарища», а в Евангелии — проповедь коммунизма, кооперации, прибавочной ценности и восьмичасового дня!... И, хотя все это очень далеко от действительности, Булгаков прямо и категорически заявляет, что «христианство есть религия любви, то есть (?) общественной», и что поэтому «религиозно-философское движение должно быть насквозь пропитано общественностью, быть органически связано с общественно-историческими задачами времени, в этом залог его жизненности»... *

На это соединение религии с общественностью Булгаков употребил не мало доказательств, но все они разлетаются в прах перед незыблемой истиной Евангелия... Булгаков доказывает, что целью христианской общественной должно быть утверждение свободного земного царства, что целью этой общественной должно быть «политическое раскрепощение, экономическое возрождение, культурный ренессанс и религиозная реформация»... ** Но на такое ложное толкование задач христианства можно возразить словами самого Христа, подтверждающими ту основную истину христианства, которая разбивает в прах всяческие заботы о земном благоустройстве: «Царство мое не от мира сего» (Ин. 19, 36). То же самое Он сказал и об учениках своих: «Они не от мира, как и я не от мира» (Ин. 17,

* Без плана // Вопр<осы> жизни. Март.

** Без плана // Вопр<осы> жизни. Февраль.

16)... Против же сытости, против главного закона социализма, по которому рай состоит в том, чтобы все без исключения были накормлены, Он сказал тоже вполне определенно: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в *жизнь вечную*, которую даст вам Сын человеческий; ибо на Нем положил печать свою Отец, Бог» (Ин. 6, 27).

Проектируя «союз христианской политики», Булгаков тем самым отрекался от христианства, от мистической его сущности, для которой мир земной, видимый, политический не существует и не может существовать, которая всецело содержится в тайне — и тайна — в муке, спасении и освобождении...

Христианство пришло в мир, чтобы спасти его от плоти и от всякой политики, чтобы разрушить всякую власть и всякие попечения о земном, чтобы претворить плоть в духе и землю претворить в небо, — Булгаков же заменяет все это духом политической экономии и социализма, от которого не может избавиться, которым весь пропитан, но духа христианского, духа любви и страдальческого всепрощения в нем не чувствуется, а наоборот — какая-то самодовольная сытость.

Для него христианство — только арифметика, он не может углубиться в тайны христианства, он скользит по поверхности их, он довольствуется внешностью христианства, пленяющего родственников ей марксистов...

Столкнувшись с христианством, он сразу же принял его догматы, так же привычно и так же поверхностно, как прежде принимал положения марксизма, он не проболел христианством, он не измучился своим кризисом, и нет в нем того радостного света, той осанки, которая проходит сквозь горнило сомнений и мук, и его вера не есть вера творческая, созидающая, светоносная, а спокойная кабинетная вера профессора политической экономии, который в христианство, в эту детскую веру, безумную, неизреченную — сейчас же вносит мертвый схоластицизм своей науки и все стремится объяснить не посредством чувства и интуиции, а посредством своей надоевшей и мертвой научности... Но в том-то и сила была первых христиан (а первые христиане и есть подлинное христианство), что они были совершенно чужды науке, были люди простые и неученые, были детьми, для которых чудо было реальностью, а не мысленным экспериментом, и они — эти простые рыбаки, простые плотники, юродивые, немудрые и мудрость отвергшие — победили науку, философию и мудрость своего времени, побудили земное и человеческое силою и крепостью своего детства!..

Булгаков же, руководясь заветами Вл. Соловьева — стремится научность соединить с религией, тайну христианства, тайну непостижимую уму — объяснить при помощи философии и на месте чуда поставить надоевшую пошлость арифметики... Но ни Вл. Соловьева, ни Булгакова нельзя назвать верующими, ибо они достигли путем своего философствования — совершенно отличных от всякой веры результатов; там, где действует логика и философия вместо распятия и муки — нет места для веры и нет места для Христа... Христос тем и велик, что тайна Его разрушает разум, и кто, столкнувшись со Христом, все еще руководствуется в своем мышлении законом разума, тот тем самым доказывает, что он не верит... Да и возможно ли в вере какое бы то ни было мышление? Там, где начинается вера — мышление, логика, наука, философия отодвигаются, уходят на второй план и становятся ненужными и жалкими, это истина... Вл. Соловьев написал много удивительных по стройности и математичности доказательств книг, Булгаков написал «Философию хозяйства», но как книги Соловьева, так равно и труды его учеников далеки от истинной веры, ибо от них веет серою скукой учености и риторики, и вера не с ними и чудо не с ними, вера с простыми рыбаками, с униженными, с потерявшими все сокровища мира ради царства небесного людьми, вера — среди раскольников и сектантов, вера — в народе!..

Влияние Достоевского на Булгакова несомненно; многие его страницы всецело проникнуты Достоевским, и его кризис возник не только под влиянием Соловьева, но и Достоевского. Достоевский открыл Булгакову путь ко Христу, так же как открывал и открывает всем, кто не может пройти мимо него, тень Достоевского легла на все его мировоззрение, и часто он ссылается в своих доказательствах и речах на слова Достоевского, как бы признавая его своим авторитетом. Булгакову принадлежит одна из лучших статей о трагедии Ивана Карамазова («Ив. Карамазов как философский тип»), так как эта трагедия в такой же степени близка и понятна ему, как и всем вообще представителю «нового религиозного сознания». Но какая разница бросается сразу же в глаза между верой Достоевского и верой Булгакова: Достоевский прошел этот путь силою муки и сомнений, Достоевский потерял на этом пути не только надежду на разум, но вообще надежду на человека, Достоевский нутром, страдающим, больным своим сердцем почувствовал мистическое чудо Церкви и великую роль народа в деле религиозного возрождения России, а Булгаков не мог отрешиться от своей научности, он преподнес народу не истину Христа, не истину Церкви, а

толстый том политической экономии в христианском переплете. Булгаков не в силах воспринять безумную, еще сохранившуюся в народе веру в возможность чудес, Булгаков не может сгореть на костре, как сгорают раскольники и через распятие души, в великой боли, в надрывном крике почувствовать Христа, он не может понять, что там, где Христос, — вся книжная мудрость, всякое профессорское красноречие, все законы логики не нужны и смешны, Булгакову трудно и невозможно признать истину, что сквозь безумие человеческое нужно пройти, чтобы найти доступ к подлинной встрече с Христом...

Гоголь увидел тень Христа на своих книгах, и они стали ему невыносимы, и он сжег их, сжег всю мудрость мира сего, в безумии своем задохнулся, в кровавом огне безумия сжег свою плоть. Ницше боролся со Христом, но, сознав, что делает — тоже обезумел и не выдержал, и покорился своему безумию... Александр Добролюбов, почувствовав, что Христос есть — пошел искать Его в пустыню, юродивым, молчальником стал, заглушил в себе тайное знание, к земле припал, чувствовал, как земля душит, как трава растет, как струится Дух в тишине — молчал и молился... М. Пантюхов нашел Христа своего в сумасшедшем доме, и тоже замолк, и тоже угас для мира, и мир угас в его сердце, ненужным стал... И это были люди истинно религиозные, бессильной признали они всякую внешность и всякую букву, сожгли себя, изуродовали, распяли — и этим Бога обрели, этим и вознеслись...

Булгаковская же вера не есть вера, а только книжная мудрость и философия, но не книжники и риторы обретут Христа, а те, что отрелись от всякой мудрости навеки...

Впрочем, и Булгаков хорошо сознает, что если сохранена в человечестве искра чудесной веры, то она тлеет не в погибшей, отравленной разумом интеллигенции, а в народе... И как Достоевский, как епископ Михаил — этот типичный монах, ставший ради торжества христианской истины народным социалистом — Булгаков надеется на народ, как на последнюю твердыню христианства, как на последнюю надежду...

«Больна народная душа, — говорит он. — Поражено самое сердце народа — его религиозная жизнь, которую преступно хотели использовать с политическими, точнее — полицейскими целями. Извращена вся духовная перспектива, и получилось то затемнение духовного сознания, благодаря которому наша великодушная и до последнего мизинца идеалистическая интеллигенция, не узнавая себя, считает необходимым держаться разных оттенков материализма, народ же находится в состоя-

нии беспомощности и растерянности, не зная, кого слушать и кому отдаться...» * Эта-то ни во что не верующая, гнилая, сытая и довольная своею сытостью интеллигенция приближается к нетронутой народной душе, чтобы передать и ей яд своего неверия и своей мертвой книжной скуки, чтобы и ей передать свою безумную тяжесть бесцельной, мещанской, бессмысленной жизни и толкнуть и ее на тот же путь к грядущему Хаму⁴ и господству безличности, который принимает сама... Опасность этого отравления народной души губительным ядом позитивизма и хамской сытости — хорошо была понятна Достоевскому, он болел мыслью об этом, содрогался предположением, что девственную, таинственную нетронутость русской народной души может загрязнить и опошлить бесовская сила трезвости, безличности и лакейства, идущая от социализма через пролетариат в народ, он устами старца Зосимы призывал сохранить эту твердыню России от порчи, говоря: «Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и спасения его... Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его, вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец» («Братья Карамазовы»)..⁵

Булгаков тоже сознает опасность заражения народа, — вот почему он так добивался, чтобы «на стяге русского освободительного движения был ясно и четко начертан завет: с народом, через народ и для народа**. Но все дело-то в том, что «освободительное движение» именно и стремилось к тому, чтобы первым делом разрушить «религиозные предрассудки» в массах, а голос Булгакова остался голосом вопиющего в пустыне... Это «движение» стремилось развратить народный дух и убить в нем то, в чем его главное обаяние — остаток его веры, его бессловесную жаркую молитву, его преданность чуду и тайнам Церкви... Сама же Церковь была не в силах спасти народную душу, ибо в ней отсутствовал дух Христов и истинная сила духа, ибо Церковь являлась только казенным учреждением, а не обителью Христа, ибо наше духовенство закрепощено государством, и истинных служителей Христовых в нем почти совсем нет, а если и имеются, то казенная опека старается выбросить их вовремя из ограды церковной...

Слиянность Церкви с государством является причиной гибели не только народной души, но также и русской интеллиген-

* Без плана // В<опросы> ж<изни>. Январь.

** Там же.

ции, вследствие этой причины интеллигенции Церковь остается чужда и не нужна, а некоторым даже внушает отвращение, по этой причине гибнет среди жизни великое множество юных душ, не выдержавших искушений и страданий одиночества своего и тоски своей, по этой причине свершается бесчисленное множество самоубийств, происходит разочарование жизнью и бегство от нее, ибо нет среди жизни Церкви, ибо Церковь запечатана государственной печатью и на веки закрыто, а между тем какое великое дело могла бы сделать для спасения душ эта Церковь! Она могла бы стоять здесь как желанная пристань для всех, как спасительный корабль среди житейского океана, как вечно живая тайна, в которой бы свершалось воскресенье каждой одинокой и страдающей души!.. Она могла бы освятить жизнь и указать всем ищущим дверь чуда, она могла бы собрать под крылья свои всех труждающихся, обремененных, всех потерявших почву, всех отчаявшихся и обезумевших в муках людей и зажечь в их душах вечное, неугасимое пламя истинной и животворящей веры!

Даже Вл. Соловьев, этот апологет государственной Церкви и защитник теократии — сам признавал эту великую трагедию закрепощения Церкви государству, и даже у него в ответе на статью Рачинского («Как пробудить наши церковные силы») вырвались слова, которые свидетельствуют о том, что и Соловьеву была понятна эта трагедия так же, как и Булгакову и всем жаждущим от Церкви спасения людям: «Религиозная и церковная истина находится на сохранении в крепком казенном сундуке за казенными печатями и под стражею надежных часовых. Безопасность полная, но живого интереса никакого. Где-то далеко происходит религиозная борьба, но нас это не касается... Врачи православия находятся вне сферы нашего действия, если же попадают в нее, то лишь со связанными руками и заткнутым ртом. Не внутренняя потребность религиозного ума, не живой духовно практический интерес, а лишь установленный обычай и приличие заставляют наших церковников время от времени ополчаться в защиту православия... От настоящей серьезной борьбы за православие мы избавлены государственной опекою. Но зато и само православие вместо всеобъемлющего вселенского знамени становится у нас простым атрибутом или придатком русской государственности»... *

Более того, эту трагедию сознает и само духовенство и для его истинно верующих представителей это служит сердечною

* Сочинения Вл. Соловьева. Т. 5.

раной, а сама Церковь — душевной тюрьмой, в которую заключен весь их дух и вся жажда быть истинными пастырями стада Христова... Один из наиболее живых и истинно религиозных представителей нашего духовенства, архимандрит Серапион Машкин, аскет и подвижник, удивительное явление в нашем монашестве — в одном частном письме, опубликованном впоследствии — открыто обнажил эту вечно бередящуюся рану всего русского духовенства: «Нет, я не согласен быть архиереем, и если бы предложили, то отказался бы: совесть моя запрещает мне быть полицейским на месте пастыря Христовых овец. Я даже не служу, приобщаюсь, но не служу, так как не считаю нашу Церковь в истине... Я даже не участвую в церковных церемониях, так как у нас повсюду при них и урядник — этот представитель наглой власти, поправшей право... Человек свежий, деятельный и честный задохнется в монашестве. Меня спасло одно то, что я философ, у меня чисто кабинетные интересы... Наше “с позволения сказать духовенство” поет теперь по всем храмам “с нами Бог”, а Бога-то с нами как раз и нет и не будет, пока не исправим дел наших...» *

Другой старообрядческий представитель духовенства — нынешний старообрядческий епископ Михаил, тоже путем столкновения с самою жизнью, пришел к убеждению, что государственная Церковь не может ничего сказать народу, потому что она скована... Будучи приглашен на Петербургские религиозно-философские собрания, чтобы защищать казенную Церковь от «ереси» Мережковского и Розанова, еп. Михаил сам чувствовал, даже когда его противники молчали, что истина не с ним, а с ними... Потом, путем долгих сомнений и мук — должен был отказаться от того казенного догматизма, которого сам же являлся и представителем, и защитником... Он должен был признать всю горькую истину, которая скрывалась в письмах, получаемых им со всех концов России, в письмах, в которых простые полуграмотные люди бросали в лицо ему правду, говоря: «Вы лжете. Не Христа вы защищаете, а порядок. Нельзя жить в вашей Церкви с вашим христианством. Сколько рабской лжи: преследование сектантов и вообще свободы веры Церковью, одобрение Церковью войны, больше того — казней, — это факт. Мы видим, что Церковь — орудие на службе “наличного”, тогда как ее дело — судить с высоты вечности, с высоты Евангелия. И не можем приять ее, вас и вашего Христа!» **

* Письма арх. Серап. Машкина // Вопросы религии. Т. 1.

** *Еп. Михаил.* Как я стал народным социалистом.

Еп. Михаил ударился в другую крайность, он в сущности остался верным не Христу, а партии народных социалистов, и его нельзя назвать истинно верующим, потому что для него социальное положение масс стало целью деятельности, а не Церковь и ее судьба, он вошел, растворился в народных массах во имя рая на земле, а не во имя царства небесного, во имя счастья всех, а не во имя спасения личного — и в этом и его заслуга, но вместе с тем и основная ошибка: ибо не партийной работой достигается полнота веры и не в газетных фельетонах цель пастыря Церкви, а в преданности Христу и поднятии человеческих душ от земного к небесному, от земного рабства к абсолютной свободе, от социалистического коллективизма к христианскому индивидуализму... В настоящее время еп. Михаил не в Церкви, а в суетных интересах человеческого, слишком человеческого, но разве в этом путь для истинного христианина, разве в этом спасенье, разве в этом свобода?.. Христианство не есть устроение жизненных удобств, также как не есть оно теория насыщения голодающих и освобождения внешнего, христианство прежде всего есть путь мистический, есть таинство в Боге, в котором невидимо разрушается вся эта жизнь.

Для Булгакова отделение Церкви от государства являлось настоящей потребностью, он постоянно разрабатывал этот вопрос в своих статьях, но по его мнению отделение Церкви должно совершиться не во имя мистического ее торжества, а во имя политического братства с определенной программой и определенной деятельностью. По его мнению «этим делом правды Церковь не только воздать Божье Богу и перестанет предавать Христа Кесарю, но и окажет величайшую историческую услугу русскому народу, ибо вынет всякую религиозную почву из-под ног злобной и темной реакции и тем создаст возможность внутреннего умиротворения страны на основе свободного государственного строя и истинных благ освободительного движения, не ценить которых грешно христианину*.

Бесспорно, великая заслуга деятельности Булгакова именно в том и заключается, что это отделение Церкви от государства послужило темой для его многочисленных статей, написанных горячо и убедительно и с знанием дела... Он долгое время старался все силы употребить на подчеркивание этого позорного факта русской жизни, который является несомненно причиной оскудения и омертвения нашей духовной жизни...

---

* *Булгаков. Церковь и государство // Два града.*

Понятно, что от освобождения Церкви от крепостной ее зависимости — зависит обновление всего ее организма, пробуждения ее творческих сил, привлечение к ней истинных и глубоко верующих членов, которые в настоящее время хоть и стремятся к ней, но вынуждены бродить вокруг до около и погибать в ненужных и чуждых делах!.. В словах Булгакова по этому поводу заключена все несправедливость, вся ложь и все запустение Церкви и их нужно поставить девизом борьбы за освобождение Церкви: «Церковь оказалась в оковах и плену у самодержавия, превращена в его орган и атрибут — и что самое прискорбное — сами ее представители прониклись тлетворным духом этого порабощения и они, признав самодержавие исключительно христианской, церковной формой правления, выработали фальшивую идею “православного царя”, как теократического органа, но эту идею — о горе! — стали пропагандировать и в богослужении, даже над Св. Чашей» *.

Не знаю, углубление ли самого Булгакова в идею христианского социализма, или сама живая и горькая действительность привели его в сборник «Вехи» уже к другим выводам, прямо противоположным тем, которые замечались в его статьях раньше, но ясно, что в настоящее время путь Булгакова несколько изменился. В 1905 году Булгаков в «Вопросах жизни», доказывая, что христианство есть религия общественности, говорил: «Великое освободительное движение в своих конечных стремлениях соответствует требованиям христианской политики» (Вопросы жизни. <№> 3) и вообще придавал политике и общественности в христианстве доминирующее значение... В сборнике «Вехи» в 1909 году, в статье «Героизм и подвижничество» он как бы берет прежние свои слова обратно и заявляет, что «освободительное движение не привело к тем результатам, к которым должно было и, казалось, могло привести, не внесло оно ни примирения, ни обновления, оно оказалось не на высоте своей задачи...»

К каким еще неожиданным выводам придет Булгаков — покажет будущее. Но теперь ясно, что христианского духа в нем очень мало. Если имелось в нем нечто от христианства, то и это было заглушено его марксистской натурой и его стремлением к научности, вследствие чего из Булгакова не получился ни настоящий марксист, ни истинно верующий христианин... Его вера есть по преимуществу вера философствующего ученого, но все живое, все реальное, все деятельное в нем умерщвляется не-

---

* Там же.

посильною тяжестью мертвых и умных слов... Нельзя сказать, чтобы философия его была неискренна, но как всякая философия, она идет против Христа, она умерщвляет всякий экстаз, всякую возможность чуда, всякое высшее мистическое знание, ибо профессорская кабинетная религиозность в состоянии замучить и иссушить даже такое живое и непосредственное чувство, как христианский дух... от писаний Булгакова веет тлетворный дух, и его философия не есть дело Христово, а подлинная мертвечина... И он сам доволен, что мертв, и у него есть свои догматы, и хотя он и уверяет, что для него догмат есть религиозное переживание, но этого не чувствуется; для Булгакова догмат нечто привычное, спокойное и удобное, для него догмат — аксиома, не требующая доказательств, и ни разу он не понял, что даже аксиома может внушать сомнения, и ни разу он не был распят в муке своей, и не открылась в этой муке для него творческая и надрывная «осанна»...

Пусть Булгаков старается в своих писаниях доказать, что он верует... Дело не в доказательствах и не в уверениях, дело в духе, а дух чувствуется даже там, где нет слов... Для меня же ясно, что если и были в творчестве Булгакова семена веры, их заглушила его наука и его философствование, ибо вера не может быть совмещена с научностью, и там, где вера — наука оказывается лишней, ибо христианство есть не тайна мудрости, а тайна безумия.

«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых сила Божия... Потому что немудрое Божие сильнее человеков...» Потому что «Бог избрал не мудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее...» (1 Кор. 1, 18—28). <...>

